

Харьков. Укр. ССР. Изд. № 7
Шевченко

МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА

Отдел газетных вырезок

ул. Кирова, 26/б.

Телеф. 96-69

Вырезка из газеты

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

сезон

от 7 НОЯ. 39 г.

Харьков, Укр. ССР

Газета №

Две гастроли в Москве

Было это задолго до революции.

«Малороссийская» труппа М. Л. Кропивницкого ехала в Москву. В непрерывных странствованиях по градам и весям мы забредали в крохотные местечки, а тут, вдруг, Москва! Театр «Альварнум» в перерыве между сезонами оказался свободным, и вот поезд мчит нас в первопрестольную, белокаменную... Условия гастролей были каторжными. Владелец театра брал 60 проц. сборов, а вся труппа — остальные 40.

Руководитель запретил нам в Москве говорить между собой по-украински. Это могло привести к запрещению гастролей.

Вспомнало нас еще одно обстоятельство. Дирижер труппы и многие музыканты были евреями и, конечно, всем в Москву им был строго-настрого запрещен. Однако без них театр оказывался на мели. Какже же это «малороссы» без гонимца и песен?

Вывела нас из затруднения взятка. Кредитная бумажка делала полицейских слепыми, и наши музыканты жили на нелегальном положении.

Вначале все шло благополучно. Кое-как, в сокращенном виде мы протолкнули нашу пьесу через цензуру. Но в один далекий прекрасный вечер небезызвестный Тренов, тогда обер-полицмейстер Москвы, зашел в боковую ложу и глазами опытной пщейки увидел за дирижерским пультом еврея. Едва кончился акт, как наряд городских уже тащил руководителя оркестра в участок. Не помню, как уж доиграли мы спектакль.

На следующий день М. Л. Кропивницкий явился к Тренову. Тот молча выслушал просьбу режиссера и, постучав пальцами по столу, ответил:

— Только из уважения к вашему таланту...

И Тренов, как опытный налач, выдержав паузу, продолжал: «...я не привлекаю вас к законной ответственности. На первый раз власти ограничиваются тем, что высылают вас и всех ваших музыкантов из Москвы».

Ночью под надзором жандармов мы

уезжали. Дирижеру пришлось еще туже. Три месяца он путешествовал по этапу.

Было это летом 1939 года.

Государственный украинский театр ехал из Харькова в Москву. Мы должны выступать на сцене, где ставили постановки великие мастера — К. С. Станиславский, В. П. Немирович-Данченко. Окажемся ли мы достойными сцены МХАТ?

Радушно, как братьев, приняла нас Москва — сердце великой нашей родины. Театр, исеящий имя Т. Г. Шевченко, пришел на сцену имени А. М. Горького не как чужой коллектив. В огромной предупредительности работников Художественного театра, в большом внимании москвичей еще до пачала гастролей мы увидели конкретное выражение неразрывной сталинской дружбы народов.

В дни наших гастролей Москва жила речами, которые раздавались с трибуны III Сессии Верховного Совета СССР. Внимание театральной общественности было привлечено декадой киргизского искусства. И все же мы чувствовали, что шевченковцы не являются просто гастролерами. Виднейшие режиссеры и актеры приходили к нам на спектакли, говорили о достоинствах и недостатках и, судя по их заявлению, кое-чему учились и у нас.

Творческой радостью, подлинным горением были насыщены дни в гостеприимной, братской, чуткой и близкой Москве.

Думается, что эти строки говорят и о моей судьбе актера. Гонимый, преследуемый украинский театр, который презрительно именовался царизмом «малороссийским», и Государственный украинский театр — активный и равноправный участник фронта советского искусства — вот два противоположных этапа, которые отражают и мою творческую жизнь, неотделимую от коллектива.

И. А. МАРЬЯНЕНКО, заслуженный артист республики.